

ОСНОВА ДЕМОКРАТИИ — РАСКОЛ ЭЛИТЫ

Виктор Сергеев

Виктор Сергеев — директор Центра международных исследований МГИМО, президент Фонда европейского наследия в изучении когнитивных систем, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО. Автор книги «Демократия как переговорный процесс» (М., 1999), в которой сделана попытка рассмотреть феномен демократии с позиции неонституционального подхода как один из институтов, снимающих конфликт элит в расколотом обществе

РЖ *Уважаемый Виктор Михайлович, в каких исторических ситуациях, на ваш взгляд, возникают демократические режимы и в какой мере переход к демократии можно считать критерием политического прогресса?*

Демократия в собственном понимании данного понятия — ситуация, когда само общество вырабатывает принципы своего существ-

ования. Подобные демократические принципы общежития реализуются посредством институционализации переговорного процесса в элитах. Любое общество состоит из масс и элит. Массы вступают в политику только в тех случаях, когда элиты не в состоянии договориться. И предреволюционная ситуация характеризуется отсутствием договоренности между элитами или тупиком в элитных переговорах.

Новизна демократии проявляется в том, что массы в целом редко вступают в элитный конфликт. Однако элитный консенсус сразу не может захватить все общество. Парламентские режимы или квазипарламентские режимы, по существу, возникают в Средние века в Европе. Вначале демократическим процессом захватывается верхняя часть общества. Английский парламент, когда он сформировался, представлял только привилегированные слои общества: дворянство, церковь и то, что потом стали называть буржуазией. Только по прошествии примерно четырехсот лет массы оказались так или иначе втянутыми в парламентский процесс. Тогда и произошла радикализация политики.

В каких условиях происходит радикализация? Когда элиты, с одной стороны, допускают некоторый уровень свободы, а с другой стороны, ставят массы в невыносимые условия. Тут нужно выбирать: либо держать все эти массы в черном теле, и такой открыто тиранический режим может существовать относительно долго. Либо допускать определенный канал подключения масс к политике, чтобы ситуация разрешилась более или ме-

давления масс и может взорваться, как паровой котел.

РЖ *Насколько движение к демократии представляет собой основной вектор истории?*

Демократия в глобальном отношении пока вещь трудно достижимая. За исключением ядра демократических стран, в особенности государств Северной Европы, в качестве демократий признаются режимы весьма автократические. Например, разве Колумбия, Аргентина или Мексика — демократические страны?

К сожалению, основная масса граждан может реально воздействовать на политику в очень редких случаях. В Швеции, в Норвегии, в Голландии общество и в самом деле воздействует на власть. В Бельгии тоже воздействует, хотя в этой стране реализации демократической модели препятствуют конфликты между двумя основными этническими группами. Но в больших странах, вроде бы принадлежащих к ядру старых демократических стран, ситуация с демократией значительно хуже. И не только из-за размера этих государств, но также из-за того, что в этих государствах образуется консенсус элит и классические демократические институты сразу становятся бессмысленными.

Скажем, если в Великобритании на следующих парламентских выборах победят консерваторы, они сформируют новый кабинет, но политика при этом не изменится. Когда **правительства меняющихся партий проводят одну и ту же политику, демократией это назвать трудно.** Хотя формально такой режим

Народные массы сами из себя никакой демократии не порождают

нее нормально, именно демократически. В ином случае система может не выдержать перегрева в силу

продолжает считаться демократией. В США долгое время была аналогичная ситуация. Однако возник

острый военный конфликт в Ираке, политический класс раскололся, и демократия все же смогла проявить себя.

Основой демократии является **расхождение в элитных группах, но расхождение недостаточно сильное, чтобы вызвать гражданскую войну.** Это ситуация, когда элитный раскол можно институционализировать, ввести в рамки регулируемого правом процесса. Еще раз подчеркнут: народные массы сами из себя никакой демократии не порождают. В Средние века было немало народных революций, но каждая из них, как правило, восстанавливала абсолютно авторитарический строй. Демократия — это баланс элит, баланс, трудно устанавливаемый и трудно сохраняемый.

РЖ *Насколько способствуют установлению такого баланса попытки создать демократию извне?*

Политика распространения демократии на самом деле представляет собой гегемонизм группы

Ж.Л. Давид. «Клятва в зале для игры в мяч 20 июня 1789 года»

ми. Они бывают успешны только там, где выработалась длительная практика существования демократических режимов. Для успешной реализации этой практики нужно еще кое-что. Нужна определенная **культура элиты**, не имея которой правящие группы населения очень быстро приходят к авторитаризму того или иного толка.

Далеко не напрасно такие мыслители, как Аристотель, писали о среднем классе. Договоренность между элитами о том, что они сменяют друг друга, обеспечивается давлением среднего класса, который заставляет элиты в каком-то смысле следовать правилам. Средний класс — это сила, которая поощряет элиты приходить к согласию. Но, к сожалению, в современной Европе средний класс исчезает на глазах, и это не сулит ничего хорошего.

В России на сегодня средний класс — это интеллигенция, интеллектуалы, которые чувствуют себя средним классом, даже если по экономическому положению они таковыми не являются. Но **сегодня в России происходит процесс уничтожения среднего класса.** Скажем, в 90-х годах интеллигенция, даже та, что не имела особых средств к существованию, считала себя принадлежащей к среднему классу. Сейчас менталитет среднего класса исчезает. А в условиях отсутствия среднего класса элиты не будут договариваться между собой на демократической основе. Элиты могут договориться просто, без всякого обращения к выборам и играм в демократию, за счет прямого распределения материальных благ: давайте подадим эту компанию представителю одного клана, другую компанию — представителю другого клана.

Вот к такому олигархическому консенсусу неизбежно придет общество, в котором средний класс перестает существовать. ■

Беседовал Борис Межуев

Политика распространения демократии представляет собой гегемонизм группы наиболее сильных стран

стран, которые в настоящий момент являются наиболее сильными. Последствия такой политики имеют весьма слабое отношение к демократии. Разве Косово — это демократия? Разве Грузия — демократия?

Украина является демократией только по той причине, что в этой стране как раз не могут договориться элиты. И до тех пор, пока они не договорятся, в стране будет сохраняться демократический строй. А «дооранжевый» режим Кучмы — демократия весьма сомнительная. Но Кучма укрепился за счет того, что сумел договориться с разными сегментами элиты. Так что **украинская модель — это пример колебания между неконсолидированной демократией и недемократическим консенсусом.**

Это как проход между Сциллой и Харибдой. Демократические режимы, которым требуется пройти сквозь этот проход, как правило, оказываются очень неустойчивы-

После развала коммунистических режимов возникло представление, что демократия — это естественное состояние общества. Если авторитарный режим не оказывает давления на народ, народ сам по себе установит демократию. Мы видим, что это не так. **Демократия не есть естественное состояние общества, демократия — это один из режимов, который функционирует только в ситуации баланса сил между различными сегментами элит.** Сейчас никто, за исключением каких-то безумных демократов, не скажет, что демократизация получится сама собой. На самом деле, для перехода к демократическому строю нужна договоренность между элитами. Особая договоренность, договоренность о правилах, договоренность о том, что одна из этих элит, захватив власть, не останется при ней навечно. В конце концов элиты должны договориться о постоянной процедуре смены власти.